

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 1(44):821.133.1

О.Ф. ЖИЛЕВИЧ, канд. фил. наук, доцент
Полесский государственный университет,
г. Пинск, Республика Беларусь

Статья поступила 27 сентября 2021 г.

ФИЛОСОФСКО-АЛЛЕГОРИЧЕСКИЙ РОМАН В ЭПОХУ МОДЕРНИЗМА: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Цель работы: выявить философско-аллегорические черты романа М. Пруста «В поисках утраченного времени».

Методы исследования: диалектический, генетический, герменевтический, структурно-семиотический, интертекстуальный, системный.

Теоретическая и практическая значимость. Результаты исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении философско-аллегорического романа с позиций современной эстетики, культурологии, литературной критики, сравнительно-типологических исследований, что, в свою очередь, позволит углубить понимание современного литературного процесса.

Выводы. Начав с короткого исторического обзора, который доказал трансцендентную функциональность аллегории со времен средневековья, мы обнаружили, что аллегория приобрела «второе дыхание» в литературе модернизма. В отличие от эстетического постулата романтиков о выражении самого себя в идиллической природе, Ш. Бодлер использовал аллегорию как часть своей программы «*surnaturalisme*», чтобы вернуть в художественное произведение метафизические знания, потерянные в повседневной жизни, а также антагонизировать природу. Аллегория как сакральный жанр воссоздает образ утраченного Бога. Концепцию аллегории Ш. Бодлера продолжил М. Пруст.

В. Беньямин в своих трудах предложил рассматривать воскрешение прошлого в романе «В поисках утраченного времени» как аллегорию. Аллегория у М. Пруста возвращает утраченный рай. Рай детства и юности, который (заново) возрождается воображаемыми, сюрреалистическими паттернами индивидуального прошлого.

В романе «В Поисках утраченного времени» аллегорическая реконструкция воображаемого субъекта имеет эстетический характер. Порог духовной жизни отражен у М. Пруста, с одной стороны, как топографическое явление.

Таким образом, мы можем найти монадологическую модель внутреннего и внешнего мира, которая мотивирует топологию Поиска и раскрывает субъект как «Я» глубинное. С другой стороны, топоним «порог» имеет телесность, и поэтому топографическая модель дополняется

концепцией трансцендентального действия. Перед смертью «Марсель» должен написать книгу, отражающую его внутренний мир и тем самым отразить суть времени в Священном Писании. Концепция трансцендентального письма обозначает текст, процесс восприятия и чтения как перформативный.

Процесс чтения создает дискурсивную ситуацию, пробуждающую время, отраженное в тексте. В этой ситуации актуализированного чтения бесконечная аллегорическая цепочка может быть расшифрована читателем в переживании, аналогичном переживанию воскресения «Марселя».

Ключевые слова: философско-аллегорический роман, постмодернизм, трансцендентный, монадологическая модель, мета нарратив, экстраспекция.

JILEVICH O.F., PhD in Philol. Sc., Associate Professor
Polessky State University,
Pinsk, Republic of Belarus

PHILOSOPHICAL-ALLEGORICAL NOVEL IN THE PERIOD OF MODERNISM: TRADITIONS AND INNOVATIONS

Objective: to reveal the philosophical and allegorical features of M. Proust's novel "In Search of Lost Time".

Methods: dialectic, genetic, hermeneutic, structural-semiotic, intertextual, systemic.

Results of the study can be used in the further study of the philosophical and allegorical novel from the standpoint of modern aesthetics, cultural studies, literary criticism, comparative studies, which, in turn, will deepen understanding of the modern literary process.

Conclusion. Starting with a short historical overview that has proven the transcendental functionality of allegory since the Middle Ages, we find that allegory has taken on a "second wind" in modernist literature. In contrast to the aesthetic postulate of the romantics about the expression of oneself in idyllic nature, Ch. Baudelaire used allegory as part of his surnaturalisme program to return metaphysical knowledge lost in everyday life into a work of art, as well as to antagonize nature. Allegory as a sacred genre recreates the image of the lost God. The concept of the allegory of Ch. Baudelaire was continued by M. Proust.

W. Benjamin in his writings proposed to consider the resurrection of the past in the novel "In Search of Lost Time" as an allegory. M. Proust's allegory returns the so-called "lost paradise". A childhood and adolescent paradise that is (re) reborn with imaginary, surreal patterns of the individual's past. In the novel In Search of Lost Time, the allegorical reconstruction of an imaginary subject takes on an aesthetic character. The revival of spiritual life is reflected, on the one hand, as a topographic phenomenon, but, on the other hand, the topographic model is complemented by the concept of transcendental action. The author builds in the novel a monadological model of the inner and outer world, which motivates the topology of "search" and reveals the subject as a deep "I".

Keywords: philosophical and allegorical novel, modernism, transcendental, monadological model, metanarrative, extraspection.

Научная новизна

Впервые раскрываются особенности функционирования аллегории во французской прозе эпохи модернизма. Исследуется специфика философско-аллегорического повествования в романе «В поисках утраченного времени» М. Пруста. Раскрываются особенности функционирования в нарративе произведения аллегории обретенного времени как художественно-эстетического средства текста и конструктивного фактора в организации прозаического целого. Представлены авторские стратегии в решении нравственно-этических, философских и онтологических проблем.

Scientific novelty

The features of the functioning of allegory in French prose in the period of modernism are revealed. The specificity of the philosophical and allegorical narration in the novel "In Search of Lost Time" by M. Proust is investigated. The article reveals the features of functioning in the narrative of the work of the allegory of the acquired time as an artistic and aesthetic means of the text and a constructive factor in the organization of the prosaic whole. The author's strategies for solving moral, ethical, philosophical and ontological problems are presented.

Введение. Конец XIX – начало XX века, так называемый рубеж веков, – особый этап в развитии культуры. Искусство этого периода неоднозначно, двойственно, парадоксально. Литература отличается особой яркостью, насыщенностью, художественным и эстетическим новаторством. В рамках модернистских эстетических школ и направлений писатели разрабатывали новые подходы изображения человека и мира, чтобы описать быстро меняющуюся действительность. Тематика и проблематика словесного искусства расширились благодаря открытиям ученых в разных областях знания. Философские и социальные концепции О. Конта, И. Тэна, Г. Спенсера, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше активно переносились многими авторами в художественные произведения, обуславливая их поэтику.

В литературе эпохи модернизма появились новые жанровые разновидности. Большинство исследователей считают, что наиболее значительные трансформации произошли с романом, который был представлен широким спектром жанровых модификаций. Один из способов «переосмысления действительности и приватной жизни человека посредством иносказания» [1, с. 64] мы находим в философско-аллегорическом романе – чрезвычайно распространенной форме философского романа.

Самые лучшие писатели рубежа веков обращались к философско-аллегорическому роману для решения важных художественных задач. Среди них Дж. Голсуорси, А. Жид, Т. Манн, Л. Пиранделло, Г. Уэллс, Т. Фонтане, А. Франс, Марсель Пруст.

Творчество Марселя Пруста подтверждает факто того, что философско-аллегорический роман имеет глубокую традицию во французской литературе. В его произведениях присутствует философское осмысление мира, заостренное тонким

психологическим анализом и мимолетными импрессионистическими зарисовками.

П. де Ман в разделе «Чтение (Пруст)» изучает модусы прочтения романа М. Пруст «В поисках утраченного времени» [11, с. 57]. Ученый задается вопросом, не превращается ли роман французского писателя «в аллегорическое повествование о своей собственной деконструкции» [11, с. 58]? П. де Ман пишет, что философы-ученые Ж. Делёз [10] и Ж. Женетт придерживаются подобного мнения. В то же самое время, аллегорическое прочтение романа М. Пруста, считает П. де Ман, приводит к «потере значения произведения в том ракурсе, к которому долгие годы обращалась целая плеяда критиков» [11, с. 70].

В отношении творчества М. Пруста литературоведы предлагают широкую гамму концептуальных подходов: литературно-критические публикации панорамного плана, в которых проза писателя рассматривается в контексте французской литературы рубежа XIX–XX веков (П. Рикёр [18], Н. Bonnet [8], А. Моруа [4], С. Михайлов [3], М. Мамардашвили [2], L. Fraisse [12]); исследования, в которых изучается отдельно взятый аспект творчества М. Пруста (А. Schamel [19], J. Loehr [14]); научные работы, в которых глубоко анализируется конкретное произведение писателя (J. Loehr [14], J. Milly [15]); монографические издания, которые посвящены одному аспекту отдельно взятого произведения (P. De Man [11], G. Brée [9], M. Bestegui [7]). Обзор источников свидетельствует о большом спектре возможностей для изучения творчества М. Пруста. Вместе с тем ярко выраженная философско-аллегорическая жанровая доминанта, связывающая его художественные тексты, в литературоведении не осмыслялась с позиции теоретической поэтики жанра.

Цель настоящего исследования – выявить философско-аллегорические черты романа

М. Пруста «В поисках утраченного времени».

Методологическая база исследования имеет комплексный характер и включает в себя герменевтический, культурно-исторический методы, метод целостного анализа художественного текста, методические разработки по проблеме теории жанров.

Материалом для исследования послужил философско-аллегорический роман М. Пруста «В поисках утраченного времени», в котором поднимаются нравственно-этические, мировоззренческие проблемы, переосмысленные сквозь призму аллегории.

Основная часть. А. Шамель считает аллессию «индикатором отношения человека к трансцендентальной или объективной сфере» [19]. Ученая-философ отмечает, что после непродолжительного исчезновения этой условной формы высказывания в художественном творчестве писателей-романтиков, которые отказывались от аллессии не только из-за ее «неестественной» структуры, но, прежде всего, как средства объективности, препятствующего интуитивному субъективному выражению мысли, в период рубежа XIX-XX вв. наблюдается возобновление интереса к аллессии.

Итак, какую роль играет аллессия в романе «В Поисках утраченного времени? Как художественное средство трансцендентальных паттернов, особенно в воскрешениях прошлого, претендующих на отражение «сущности» времени? Более того, поскольку модели трансцендентности всегда являются средой определенной модели субъекта: какие концепции субъективности подразумеваются в этой аллессической практике? И каковы подходы для интерпретации аллессии в романе М. Пруста?

Чтобы понять суть применения аллессического повествования в романе французского писателя-модерниста, следует еще раз пересмотреть роль иносказания во французской литературе конца романтического периода и раннем модернизме и, в частности, в творчестве известного поэта Ш. Бодлера.

Ш. Бодлер прибегает к аллессии в сборнике стихотворений «*Paradis artificiels*»

(«Искусственный Рай», 1860) как одной из наиболее оригинальных и естественных форм в поэзии. В этой книге аллессия имеет ярко выраженный сакральный характер. Аллессия помогает поэту переосмыслить творчество и духовную жизнь сквозь призму объективности. В стихотворении «*Le coucher du soleil romantique*» («Романтический закат», 1862) аллессический смысл приобретает закат солнца и наступающая ночь «после того, как Бог исчез или скрылся навсегда» (Перевод наш – О.Жилевич) [5, с. 56]. В стихотворении «*Paysage*» («Пейзаж», 1862) с помощью иносказания иллюстрируется противоположное природное движение: «*Et quand viendra l'hiver aux neiges monotones, / Je fermerai partout portières et volets Pour bâtir dans la nuit mes féeriques palais. / [...] je serai plongé dans cette volupté / D'évoquer le Printemps avec ma volonté, / de tirer un soleil de mon coeur, et de faire / De mes pensers brûlants une tiède atmosphère.*»¹ Как видим, в стихотворении образ скрытого покровом тьмы солнца возрождается в качестве ледяного «внутреннего» солнца, что означает в иносказательной форме – духовно обнищавшего человека. В этом контексте аллессия представляется воображением, воссоздающим потерянное во внешнем мире; мыслится «искусственным внутренним миром», проявляющим чисто эстетическую реальность. Подобно искусственному идеалу, эта внутренняя реальность возмещает утраченную реальную трансцендентность, повышая ценность божественной способности воображения, то есть «творческого воображения».

Таким образом, в творчестве Ш. Бодлера аллессия кажется средством обретенной, эстетической объективности и функционирует как жанр. Процесс деперсонализации, задуманный французским поэтом, также находится под сильным

¹ *И когда придет зима с однообразными снегами, / Я закрою двери и ставни повсюду, Чтобы построить свои сказочные дворцы в ночи. / [...] Я погрузусь в это удовольствие / Чтобы вызвать весну своей волей, / вытянуть солнце из своего сердца и создать / Из моих пылающих мыслей теплую атмосферу. (Подстрочный перевод наш – Жилевич О.Ф.)*

влиянием гностических взглядов на «падшую природу» и тело как тюрьму души.

Следует отметить, что еще в сборнике незавершенных статей о литературной критике «Против Сент-Бёва» М. Пруст пишет о знаменитом эпизоде о печенье «Мадлен» [16]. Автор отмечает, что повествование о печенье «Мадлен» в романе «В поисках утраченного времени» имеет аллегорический смысл. Вкус, запах печенья вызывают у героя множество воспоминаний. Эффект обретения ярких эмоциональных воспоминаний через связь с запахами, конкретными предметами и ощущениями способен вызвать в воображении объёмные сцены из прошлого. «Я» является частью Вселенной и трансцендентно насыщено. Однако опыт воскрешения прошлого иллюстрирует иную трансцендентную динамику: «окунув печенье в чай и попробовав его, человек переживает видение внутренних садов и аллей, которые вырастают из чашки чая, как японские бумажные цветы» [16, с. 106].

В прустовском пространстве внешний мир человека утрачивает свое привилегированное положение и лишь высвобождает импульс к воображаемому созданию внутреннего мира, который представляет собой преобразенный, развернутый в любопытном онтологическом материале мир собственно прошлого. Внешний объект действует как порождающий символ «нового-старого» мира. В этом смысле образное преобразование, кажется, дает реституцию личного прошлого, которое возрождается и преобразуется. Возможно ли говорить о заимствовании М. Прустом аллегорической формы Ш. Бодлера как средства достижения трансцендентальной сферы? Однако в произведениях Ш. Бодлера аллегория служит выражением идеи потерянного рая, а у М. Пруста – потерянного рая детства. Если предположить, что у М. Пруста аллегория связана с понятием времени, в таком случае возникает вопрос, является ли аллегория литературным приемом восстановления прошлого?

Немецкий философ В. Беньямин в своих трудах также обращается к проблеме аллегии в романе М. Пруста. Для того, чтобы подтвердить, что поэтика «*mémoire créatrice*» «творческой памяти» у М. Пруста

имеет аллегорический характер, В. Беньямин предлагает свою концепцию. Немецкий философ понимает аллегию как схему построения отношений между смертью, прошлым, забытыми мирами и живыми мирами, воспоминанием и памятью. Аллегория воссоздает прошлое как образный узор, который, таким образом, приобретает второе, магическое присутствие, которого никогда раньше не было, но которое перемежается со смертью. Описанная мнемоническая функция аллегии проиллюстрирована образом *Собирателя* (*Сэмлер, Сэмлер-Аллегорикер*) в незавершенной книге «*Passagen-Werk*». Предполагая онтологический разрыв между смыслом и материалом, Собиратель в процессе аллегоризации придает некоторый смысл объекту: «*Und für den wahren Sammler wird in diesem Systeme jedwedese einzelne Ding zu einer Enzyklopädie aller Wissenschaft von dem Zeitalter, der Landschaft, der Industrie, dem Besitzer von dem es herkommt.*» [6, с. 81]

Итак, видение Собирателя разворачивает объект в целый мир, пространство, состоящее из текста. Большой исторический период сокрыт в одном объекте и должен быть развернут, как папирус. Наконец, В. Беньямин обращается к онтологическому материалу развернутого, «запомненного» времени. Его можно сравнить с сюрреалистической сферой бытия, где сочетаются разные временные уровни, фрагменты прошлого и реального присутствия переплетаются, образуя любопытный «новый» вид повествования. В. Беньямин указывает на это явление как на сновидение времени (*Traumleben*), которое имеет явно нерепрезентативный, перформативный характер.

Подход к аллегии и аллегорическому образу В. Беньямина предполагает аналитический уровень прустовского обретения прошлого. Подобно понятию аллегии В. Беньямина, динамика невольного воспоминания в романе «В Поисках утраченного времени» метонимична: сцена чтения в саду в Комбре представляет собой чаепитие на бумаге. Здесь прослеживается явная связь с онтологической целостностью текста: прошлое восстанавливается исключительно на бумаге, то есть в Священном Писании или

в виде Писания. Так называемая «вторичная связь» – это связь с концепцией субъективности, подразумеваемой в аллегорическом восстановлении прошлого М. Пруста. Наконец, суть понятия аллегории в трудах В. Бенямина – в творческом смещении различных временных пространств в *Zeit(t)raum*, что предлагает сюрреалистическое прочтение воскресшего мира у М. Пруста.

В таком случае, в чем суть концепции аллегорического воспроизведения времени в романе М. Пруста? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прояснить специфику возрождения «утраченного времени» в произведении М. Пруст высказывает идею о том, что человек осмысливает не объективный мир, но лишь свое субъективное представление о нем. Писатель выстраивает онтологическую уникальность внутреннего мира человека вне его связи с внешним миром, что предполагает наличие границы, где низшая внешняя сфера трансформируется в трансцендентальную внутреннюю реальность, воображаемый образец индивидуального прошлого. Внешний мир человека и его внутренний мир предполагает существование внутреннего и внешнего пространства.

Французский К. Кналлер пишет, что «воображение – это неотъемлемое свойство человека. Человек может быть только «бытием для себя самого», познавать только свой собственный мир» [13, с. 85]. Ученый сравнивает бытийную целостность всего живого с замкнутостью шара. Онтологическое отличие людей и, соответственно, их онтологическая исключительность, о которой свидетельствует аллегория, может быть визуализировано с помощью шара. Фактически, М. Пруст вслед за Ш. Бодлером расширяет бытийные границы до топографического масштаба, который в свою очередь понимается как монада, микромир. Таким образом, в романе М. Пруста понятие «Я» сводится к рамкам замкнутого пространства, управляемого образами и их трансцендентными воображениями, аллегориями.

Как утверждает В. Бенямин, воскрешение прошлого у М. Пруста предполагает уже существующий образец, то

есть запечатленный в памяти индивидуальный опыт в прежнем времени и пространстве, который может «оживить» только лишь невольные воспоминания, переосмысленные посредством метонимии. Примером сказанного выше может послужить описание вымышленного городка Комбре в первой части первого тома «По направлению к Свану». Вот как автор повествует о первых впечатлениях о детстве и юности в Комбре: черты ландшафта с характерным запахом белил, звук шагов по гравиию на протяжении многих лет, врезавшийся в самую его душу как «*gisements profonds de [s] on sol mental*», над которым он все еще движется: «*comme aux terrains résistants sur lesquels je m'appuie encore*» [17, с. 39]. Следующий эпизод из романа указывает на то, что эти первые впечатления от повседневной жизни когда-то однажды сформируют закономерности, которые впоследствии будут доминировать в его восприятии мира и природы: «*soit que la réalité ne se forme que dans la mémoire [...] Le côté de Méséglise avec ses lilas, ses aubépines, [...] le côté de Guermantes avec ses rivières à têtards, [...] ont constitué à tout jamais pour moi la figure des pays où j'aimerais vivre [...]*» [17, с. 46]. Реальная жизнь людей сконцентрирована в образах воспоминаний того времени в Комбре: «*Car souvent j'ai voulu revoir une personne sans discerner que c'était simplement parce qu'elle me rappelait une haie l' aubépines [...]*» [17, с. 59] Эти укоренившиеся в самой его душе закономерности также характеризуются как выходящие за пределы реальности: «*Mais par là même aussi, et en restant présents en celles de mes impression d'aujourd'hui auxquelles ils peuvent se relier, ils leur donnent des assises, de la profondeur, une dimension de plus qu'aux autres. Ils leur ajoutent aussi un charme, une valeur qui n'est que pour moi*» [17, с. 63]. Закономерности являются основой аллегорической образной трансформации и переосмысленного личного прошлого. М. Пруст пишет: «Они прошли сквозь годы, они делятся вечно, как ясно сказано в тексте» («*traverser tant d'années successives*», «*Survivre*», «*constitué à tout jamais*»). [17, с. 102]

Итак, прустовская концепция трансцендентального письма обозначает

текст, процесс восприятия и чтения как перформативные. Процесс чтения создает дискурсивную ситуацию, пробуждающую время, отраженное в тексте. В этой ситуации актуализированного чтения бесконечная аллегорическая цепочка возрождения утраченного времени может быть расшифрована читателем в переживании, аналогичном переживанию воскрешения главного героя.

Заключение. Начав с короткого исторического обзора, который доказал трансцендентную функциональность аллегории со времен средневековья, мы обнаружили, что аллегория приобрела «второе дыхание» в литературе модернизма. В отличие от эстетического постулата романтиков о выражении самого себя в идиллической природе, Ш. Бодлер использовал аллессию как часть своей программы «*surnaturalisme*», чтобы вернуть в художественное произведение метафизические знания, потерянные в повседневной жизни, а также антагонизировать природу. Аллегория как сакральный жанр воссоздает образ утраченного Бога. Концепцию аллегории Ш. Бодлера продолжил М. Пруст.

В. Беньямин в своих трудах предложил рассматривать воскрешение прошлого в романе «В поисках утраченного времени» как аллессию. Аллегория у М. Пруста возвращает так называемый «утраченный рай». Рай детства и юности, который (заново) возрождается воображаемыми, сюрреалистическими паттернами индивидуального прошлого. В романе «В Поисках утраченного времени» аллегорическая реконструкция воображаемого субъекта приобретает эстетический характер. Возрождение духовной жизни отражено у М. Пруста, с одной стороны, как топографическое явление, но, с другой стороны, топографическая модель дополняется концепцией трансцендентального действия. Автор выстраивает в произведении монадологическую модель внутреннего и внешнего мира, которая мотивирует топологию «поиска» и раскрывает субъект как «Я» глубинное.

Список литературы

1. Жилевич, О. Ф. Роман "Дорога" К.Маккарти как аллегория апокалипсиса в XXI веке / О. Ф. Жилевич // Веснік Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя грамадскіх і гуманітарных навук: навучна-практычны журнал. – 2021. – № 1. – С. 64-73.
2. Мамардашвили, М. К. Лекции о Прусте / М. К. Мамардашвили. – М.: Ad Marginem, 1995. – 548 с.
3. Михайлов, А. Д. Поэтика Пруста / А. Д. Михайлов. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – 504 с.
4. Моруа, А. В поисках Пруста / А. Моруа. – СПб.: Лимбус Пресс; Издательство К. Тублина, 2018. – 400 с.
5. Baudelaire, Ch. Les Fleurs du Mal / Ch. Baudelaire. – Paris, Flammarion, 1991. – 189 p.
6. Benjamin, W. The Origin of German Tragic Drama. Trans. John Osborne / W. Benjamin. – New York: Verso, 2009. – 240 p.
7. Bestegui, M. Proust as Philosopher. The Art of Metaphor / M. Bestegui. – L.; N. Y., 2013. – 138 p.
8. Bonnet, H. Alphonse Darlu (1849–1921), le maître de philosophie de Marcel Proust [Электронный ресурс] / H. Bonnet // Cahiers internationales des études françaises. 1960. – № 12. – С. 191–197. – Режим доступа : http://www.persee.fr/doc/caief_0571-5865_1960_num_12_1_2176 – Дата доступа: 01.09.2021
9. Brée, G. La conception proustienne de l' "esprit" [Электронный ресурс] / G. Brée // Cahiers internationales des études françaises. 1960. – № 12. – С. 199–210. – Режим доступа: http://www.persee.fr/doc/caief_0571-5865_1960_num_12_1_2177 – Дата доступа: 01.09.2021
10. Deleuze, G. Marsel Proust et les signes / G. Deleuze. – P.: PUF, 2014. – 228 с.
11. De Man, P. Reading (Proust) / P. De Man // Allegories of Reading, Figural Language in Rousseau, Nietzsche, Rilke and Proust. – London, New Haven, Yale University Press, 1988. – С. 57-78.
12. Fraisse, L. Proust et la philosophie de la volonté / L. Fraisse // Littérature. – 2014. – № 175. – С. 61–75.

13. Knaller, K. A Theory of Allegory beyond Walter Benjamin and Paul de Man; with Some Remarks on Allegory and Memory / K. Knaller // *The Germanic Review: Literature, Culture, Theory*. – 77:2. – С. 83-101.
14. Loehr, J. Science critique et conscience d'auteur: Proust à l'épreuve / J. Loehr // *Littérature*. – 2012. – № 168. – С. 103–120.
15. Milly, J. Autobiographie et littérature chez Proust / J. Milly // *Francofonie*. 1987. – № 13. – С. 3–11.
16. Proust, M. Contre Sainte-Beuve, précédé de Pastiches et mélanges et suivi de Essais et articles / M. Proust. – Paris, Gallimard, 1971. – 1040 c.
17. Proust, M. Le Temps retrouvé / M. Proust. – Paris, Gallimard, 1989. – 474 c.
18. Ricoeur, P. The Rule of Metaphor: Multidisciplinary Studies of the Creation of Meaning in Language / P. Ricoeur // Trans. Robert Czerny with Kathleen McLaughlin and John Costello. – Toronto: University of Toronto Press, 1977. – 454 c.
19. Schamel, A. Allegory as imaginary past: transcendence and acting subject in Proust's Recherche », *TRANS [En ligne]*, 6 | 2008, mis en ligne le 07 juillet 2008, consulté le 28 septembre 2021. – Режим доступа: <http://journals.openedition.org/trans/285> – Дата доступа: 01.09.2021
6. Benjamin W. The Origin of German Tragic Drama. Trans. John Osborne. New York: Verso, 2009, 240 p.
7. Bestegui M. Proust as Philosopher. The Art of Metaphor. L.; N. Y., 2013, 138 p.
8. Bonnet H. Alphonse Darlu (1849–1921), le maître de philosophie de Marcel Proust. *Cahiers internationales des études françaises*. 1960, no 12, pp. 191–197. Available at: http://www.persee.fr/doc/caief_0571-5865_1960_num_12_1_2176. (accessed: 01.09.2021). (in French)
9. Brée G. La conception proustienne de l' "esprit". *Cahiers internationales des études françaises*. 1960, no 12, pp. 199–210. Available at: http://www.persee.fr/doc/caief_0571-5865_1960_num_12_1_2177 (accessed: 01.09.2021). (in French)
10. Deleuze G. Marsel Proust et les signes / G. Deleuze. P.: PUF, 2014. – 228 p. (in French)
11. De Man P. Reading (Proust) Allegories of Reading, Figural Language in Rousseau, Nietzsche, Rilke and Proust. London, New Haven, Yale University Press, 1988, pp. 57-78.
12. Fraisse L. Proust et la philosophie de la volonté. *Littérature*. 2014, no. 175, pp. 61–75. (in French)
13. Knaller K. A Theory of Allegory beyond Walter Benjamin and Paul de Man; with Some Remarks on Allegory and Memory. *The Germanic Review: Literature, Culture, Theory*. 77:2, pp. 83-101.
14. Loehr J. Science critique et conscience d'auteur: Proust à l'épreuve. *Littérature*. – 2012, no 168, pp. 103–120. (in French)
15. Milly J. Autobiographie et littérature chez Proust. *Francofonie*. 1987, no 13, pp. 3–11. (in French)
16. Proust M. Contre Sainte-Beuve, précédé de Pastiches et mélanges et suivi de Essais et articles. Paris, Gallimard, 1971, 1040 p. (in French)
17. Proust M. Le Temps retrouvé. Paris, Gallimard, 1989, 474 p. (in French)
18. Ricoeur P. The Rule of Metaphor: Multidisciplinary Studies of the Creation of Meaning in Language. Trans. Robert Czerny with Kathleen McLaughlin and John Costello. Toronto: University of Toronto Press, 1977, 454 p.

References

1. Jilevich O.F. Roman "Doroga" K.Makkarti kak allegoriya apokalipsisa v XXI veke [The novel "The Road" by K. McCarthy as an allegory of the Apocalypse in the XXI century]. *Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk* [Bulletin of Polesky State University. Series in Social sciences and Humanities]. 2021, no. 1, pp. 64-73. (In Russian)
2. Mamardashvili M.K. *Lekcii o Pruste* [Lectures about Proust]. M.: Ad Marginem, 1995, 548 p. (In Russian)
3. Mikhailov A.D. *Poe`tika Prusta* [Poetics of Proust]. M.: Languages of Slavic culture, 2012, 504 p. (In Russian)
4. Maurois A. *V poiskakh Prusta* [In Search of Proust]. SPb.: Limbus Press; K. Tublin Publishing House, 2018, 400 p. (In Russian)
5. Baudelaire, Ch. Les Fleurs du Mal. Paris, Flammarion, 1991, 189 p. (in French)

19. Schamel, A. Allegory as imaginary past: transcendence and acting subject in Proust's Recherche », TRANS- [En ligne], 6 | 2008, mis en ligne le 07 juillet 2008, consulté le 28

septembre 2021. Available at:
<http://journals.openedition.org/trans/285>.
(accessed: 01.09.2021).

Received 27 September 2021